

Человек или призрак

Сун Цяньцзи задремал в ожидании ужина.

Нельзя винить его в весенней сонливости. Виноват был слишком ласковый ветерок, слишком мягкие сумерки и слишком пьянящий аромат цветов.

Шезлонг, подаренный Чжао Цзихэном, оказался на удивление удобным, а подушки — мягкими. Он чувствовал себя как зверёк в тёплом гнезде, высланном пушистой сухой травой.

В прошлой жизни он заменил сон медитацией, и даже в моменты крайнего истощения под рукой у него всегда был меч, готовый к бою. Даже позже, живя в бессмертном дворце на вершине горы, где его покои охраняли самые сложные и мощные формации, он считал сон пустой тратой времени и небезопасным занятием.

Во сне, благоухающем ароматом глицинии, ему привиделась бесплодная гора и пустыня, пострадавшая от эрозии. День за днём он усердно трудился, не страшась ни холода, ни зноя. Прошла весна, настала осень, и вот уже бескрайняя пустошь превратилась в зелёный оазис.

Сун Цяньцзи был так поглощён земледелием, что не хотел просыпаться. Сквозь сон он услышал какой-то шум, открыл глаза и увидел, как Мэн Хэцзэ, развязав фартук, собирается с кем-то драться.

Сладкий сон был разрушен. Он нахмурился, окликнул Сяо Мэна, а затем, приглядевшись к трём незванным гостям у ворот, не смог сдержать смеха:

— Прощу, входите.

Оказывается, в этом году в кругах «золотой молодёжи» Академии «Зелёный Утёс» была мода на все оттенки зелёного. К счастью, они предпочитали обмахиваться веерами, а не носить шляпы.

Троица переступила порог, намереваясь отчитать Сун Цяньцзи за негостеприимство, но увидела, что тот улыбается.

Это была не заискивающая или угодливая ухмылка, которую они привыкли видеть; но и не враждебный холодный оскал. Эта улыбка сбила их с толку.

Они пришли, готовые к тому, что их будут либо дерзко провоцировать, либо раболепно умолять о пощаде. К любому из этих сценариев у них был готов ответ.

Но они совершенно не были готовы к тому, что Сун Цяньцзи, увидев нечто забавное, просто рассмеётся от души, без всякой задней мысли. Он даже отослал напряжённого Мэн Хэцзэ:

— Всё в порядке.

Троица наконец пришла в себя. Этот человек просто не принимал их всерьёз! Юноша в бирюзовом одеянии уже готов был вспылить, но тот, что был в салатном, остановил его жестом.

Сун Цяньцзи только что проснулся и не слышал, как они представлялись. Решив дать ему ещё один шанс, они снова назвали свои имена:

— Трое из Шести Мудрецов с Зелёного Утёса прибыли с визитом к даосу Суну. Это Цзэн Лянцзюнь из уезда Яньшуй и Цао Босюэ из уезда Фуян. Я же, недостойный, Чжань Дэнгао из уезда Чунвэнь, внук истинного предка Саньчжэня и сын даоса Теби.

Мэн Хэцзэ, стоявший у плиты, подумал, что с таким длинным представлением ему бы впору меню в трактире зачитывать. Сун Цяньцзи всё так же улыбался:

— А, здравствуйте. Вы уже поели?

Троица замерла.

Только простолюдины спрашивают, поел ли ты. Среди совершенствующихся так приветствовать друг друга было не принято. Может, это насмешка?! Насмешка над их уровнем совершенствования?

Юноша в бирюзовом, Цзэн Лянцзюнь, был самым молодым и нетерпеливым. Он тут же огрызнулся:

— Я давно уже не нуждаюсь в пище. Тебе-то что до этого?!

Не успел он договорить, как Мэн Хэцзэ поставил на каменный стол миску с лапшой.

— Старший брат Сун, осторожно, горячо.

В простой селадоновой миске дымилась лапша «янчунь», украшенная несколькими каплями ароматного кунжутного масла, кубиками красноватого дайкона, мелко нарезанным зелёным луком и нежными листочками свежей зелени.

Оказывается, он действительно спрашивал, поели ли они. Лица троицы вспыхнули.

Затем они с презрением посмотрели на миску. Неужели этим можно угощать гостей? Мы, привыкшие к изысканным яствам, разве станем есть эту деревенскую стряпню? Но из миски исходил такой свежий, естественный аромат, что он приятно щекотал ноздри и долго не рассеивался.

— Мне-то всё равно, — сказал Сун Цяньцзи, беря палочки для еды. — А я ещё не ел.

Он ел неторопливо, сосредоточенно пережёвывая пищу и не говоря ни слова. От этого обстановка стала ещё более странной.

Сун Цяньцзи сидел, а они стояли. Сун Цяньцзи ел, а они смотрели.

Троица уставилась на миску с лапшой, и в их сердцах закипала злость.

«Нужно ли так серьёзно относиться к миске простой лапши? Мы же сказали, что не будем есть, почему ты даже не предложил из вежливости?»

Этот человек, несомненно, был опасен. Хитрый, коварный, с улыбкой на лице, но с ножом за пазухой. И ничего с ним не поделаешь!

«Брат Лю, вы когда придёте? Быстрее!»

Возможно, небеса услышали их молитвы и сжалились над их мучениями. Сун Цяньцзи наконец доел. Мэн Хэцзэ принёс ему свежесваренный чай.

А по цветочной тропинке ко двору Суна уже приближались трое других знатных юношей.

— Этот двор и есть Двор Суна? — с улыбкой спросил юноша в ядовито-зелёном.

Чжоу Сяюнь окинула взглядом прибывших. Ядовито-зелёный, бобово-зелёный, сосново-зелёный.

Она подумала, когда же лук на грядке у старшего брата Суна станет таким же пышным. На лице её появилась улыбка:

— Именно. А вы, господа, что за лук такой?

Тут же поняв, что сморозила глупость, она прикрыла рот рукой.

— Я хотела спросить, как зовут почтенных даосов и зачем вы ищете старшего брата Суна.

Юноша в ядовито-зелёном громко произнёс:

— Трое из Шести Мудрецов с Зелёного Утёса: Лю Тяньхань, Вэй Хун и Кан Цзясюй. Просим даоса Суна выйти к нам.

Троица во дворе просияла и поспешила к воротам, чтобы встать рядом со своими товарищами, выстроившись в ряд и гордо выпятив грудь. Правильно! Пусть Сун Цяньцзи сам выходит. С какой стати они должны были входить к нему?

Не дожидаясь повторного зова, Сун Цяньцзи вышел вместе с Мэн Хэцзэ.

Двор был маленький, и весь засажен растениями. Если бы вошли ещё трое, они бы непременно что-нибудь растоптали или сломали. Новоприбывшая троица, однако, ошибочно приняла это за знак уважения к своей громкой славе и самодовольно улыбнулась.

— Что вам всем нужно? — холодно спросил Мэн Хэцзэ.

Лю Тяньхань усмехнулся:

— Мы слышали, что даос Сун — человек высоких стремлений, утончённый и отстранённый от мира. В его глазах что цветок, что навоз, что красавица, что скелет — всё едино.

«Что за чушь ты несёшь», — подумал Сун Цяньцзи.

— Не осмелюсь принять такую похвалу.

После слов «красавица» и «скелет» все поняли, что они пришли заступиться за Фею Мяо Янь и искали неприятностей. В мгновение ока двор наполнился шумом и пылью: со всех сторон сбежались ученики внешней школы. Многочисленная толпа враждебно уставилась на гостей.

Шесть Мудрецов с Зелёного Утёса уже слышали о высоком статусе Сун Цяньцзи среди учеников внешней школы и не удивились такому зрелищу.

— Не волнуйтесь, у нас нет дурных намерений, — с улыбкой сказал Вэй Хун. — Просто мы не верим, что в мире существует человек, не способный различать красоту и уродство. Наша Академия «Зелёный Утёс» ценит знания и стремление к истине. Когда мы сталкиваемся с загадкой, мы должны докопаться до сути!

— Именно! — подхватил Чжань Дэнгао, расправляя плечи. — Наша академия во всём руководствуется разумом, мы не станем безосновательно обвинять других! И уж тем более не станем переворачивать всё с ног на голову, в душе признавая красоту, а на словах её отрицая, да ещё и оскорбляя, чтобы привлечь к себе внимание.

— Мы просто хотим, чтобы даос Сун взглянул на одного человека, — с возбуждением сказал Цзэн Лянцзюнь. — Если даос Сун, посмотрев на этого человека, сможет повторить ту свою фразу, мы тут же уйдём и больше не будем его беспокоить!

— На кого взглянуть? — Сун Цяньцзи стало немного любопытно.

Лю Тяньхань и двое других, пришедших с ним, вдруг расступились, открывая вид на того, кто стоял за ними.

Это была стройная фигура в простом белом платье без всяких украшений. Лицо скрывала шляпа с вуалью, и черт было не разглядеть. Когда она вышла вперёд, все невольно уставились на неё.

Судя по фигуре, это была молодая девушка. Хоть лица и не было видно, её стан был изящен и грациозен, а движения плавны, как у ивы на ветру.

Чжоу Сяюнь втайне восхитилась.

«Вот что значит — даже в простом платье не скрыть истинной красоты»

Как совершенствующаяся-женщина, она по-настоящему завидовала незнакомке. Девушка в белом была полностью скрыта под одеждой и шляпой, видны были лишь её руки.

Длинные пальцы, безупречные пропорции. Ногти аккуратно подстрижены, суставы сильные, на подушечках пальцев — лёгкие мозоли, которые не портили красоты рук, а лишь добавляли им стойкости.

Это были руки музыканта, играющего на цитре. Руки, знающие, что такое ежедневный упорный труд. Последние лучи заката золотили её ногти, придавая им розоватый оттенок.

Многие невольно задумались: «Смогла бы даже первая красавица, Фея Мяо Янь, похвастаться более красивыми руками?»

Лишь Мэн Хэцзэ холодно усмехнулся.

«С такой выдержкой, как у старшего брата Суна, не то что одна красавица — приведи хоть десять нагих девиц, пусть они пляшут перед ним, он и бровью не поведёт»

Чжоу Сяюнь тихо спросила:

— Подруга-даос, как тебя зовут?

Девушка, не поднимая головы, тихо ответила тремя словами:

— Хэ Цинцин.

Голос её дрожал от робости, словно у испуганного кролика, что вызывало ещё большее сочувствие.

— «Орхидеи рождаются весной и летом, как же зелена их листва»... Какое красивое имя! — воскликнул кто-то из учеников внешней школы, и тут же посыпались другие комплименты:

— И сама она, как орхидея.

— В Академии «Зелёный Утёс», оказывается, есть такая красавица!

Девушка задрожала ещё сильнее, словно от смущения. Шесть Мудрецов с Зелёного Утёса странно усмехнулись.

Чжоу Сяюнь, которой эта скромная девушка в простом наряде нравилась куда больше, чем разодетые в пух и прах юнцы, улыбнулась ей:

— Здравствуй, подруга-даос Хэ.

Но девушка отшатнулась, едва не упав, и задрожала ещё сильнее.

— 3-здравствуй и ты... ты очень добрая...

Чжоу Сяюнь наконец заметила неладное. Девушка не смущалась, она была в ужасе, как подстреленная птица. Неужели с ней никогда раньше не здоровались? Неужели она не знала, как отвечать?

— Даос Сун — знаменитость школы Хуавэй, а моя младшая сестра — знаменитость Академии «Зелёный Утёс», — с усмешкой сказал Лю Тяньхань. — Мы специально привели её сегодня, чтобы даос Сун удостоил её своим взглядом!

Последние слова он произнёс с нажимом, срывая с девушки шляпу!

Девушка вскрикнула, словно от пощёчины, и резко опустила голову, пытаясь спрятаться. Но было уже поздно. Её лицо предстало перед всеми.

Лицо без черт!

Словно обожжённое огнём, изрезанное мечами, оно было покрыто сетью красных, опухших шрамов, которые полностью скрывали глаза, нос и рот. Под шрамами проступала чернота, будто нечто живое пульсировало под кожей, готовое вырваться наружу.

Закатный свет, коснувшись этого лица, мгновенно стал зловещим и холодным, наполнив воздух призрачным ужасом.

Человек или призрак. Человеческое тело с лицом призрака.

— Монстр! — закричал кто-то.

Тут же раздались другие крики, и толпа в панике бросилась врассыпную, топча друг друга, толкаясь, стремясь убежать подальше от «монстра». Обычно они бы так не отреагировали, но контраст между ожиданием и реальностью был слишком велик. Увидев, что другие кричат и бегут, они инстинктивно последовали за толпой.

Перед воротами Двора Суна воцарился хаос. Шесть Мудрецов с Зелёного Утёса, ожидавшие подобной реакции, стояли неподвижно. Они весело смеялись.

«Сам виноват. Не смей оскорблять прекрасную Мяо Янь, а теперь столкнись с самым уродливым чудовищем»

В суматохе Лю Тяньхань вдруг протянул руку и сильно толкнул Хэ Цинцин в спину! «Монстр» полетел прямо на Сун Цяньцзи.

— Старший брат, осторожно! — крикнул Мэн Хэцзэ, хватаясь за меч.

Шесть Мудрецов улыбнулись ещё шире.

«Как и ожидалось. Любой, на кого бросится такое чудовище, инстинктивно нападёт. Это естественная реакция на крайний страх, отвращение и омерзение. Как только Сун Цяньцзи ударит её, мы сможем вмешаться, чтобы „защитить“ свою соученицу. Всё будет выглядеть совершенно оправданно. Ты же не различаешь красоту и уродство? Почему же тогда испугался и напал на сестру Хэ?»

Хэ Цинцин летела вперёд, крепко зажмурилась. Она привыкла терпеть боль, поэтому на её лице не было ни слезинки.

— Вы в порядке?

Неожиданно, вместо удара или падения, она почувствовала, как чьи-то руки поддержали её. Она ощутила аромат глицинии и услышала над собой голос — холодный, но мягкий.

Хэ Цинцин открыла глаза и увидела перед собой красивого, высокого юношу, который держал её. В его глазах, кроме удивления, не было никаких других эмоций. Да и удивление промелькнуло и тут же исчезло.

Мэн Хэцзэ на мгновение замер.

«Какое счастье, — подумал он, — он пришёл не для того, чтобы навредить старшему брату Суну»

Сун Цяньци тоже почувствовал облегчение.

«Какое счастье, — подумал он, — а то чуть мои саженцы фасоли не снесла»

Саженцы фасоли такие нежные, как бы они выдержали такой удар?

Сун Цяньци, придерживая девушку, сделал три шага вперёд. Убедившись, что они находятся на безопасном расстоянии от грядок, он отпустил её и, подняв голову, с недоумением спросил у гостей:

— Так что вы хотели мне показать?

Его недоумение было искренним.

Он видел, как демонические практики выращивали ядовитых гу в телах живых людей. Со временем, даже если гу извлекали, лицо жертвы было настолько изуродовано, что восстановить его можно было, только срезав плоть до костей. Он многое повидал и давно перестал удивляться подобному.

На фоне деяний его коллег из прошлой жизни, даже Радостный Чань Нечестивого Будды не казался самым коварным и жестоким искусством.

Он невольно взглянул на Мэн Хэцзэ. Мэн Хэцзэ на мгновение замер, а затем со стыдом опустил голову.

«Всего лишь совершенствующаяся низкого уровня с необычной внешностью. А я так переполошился. Наверняка старший брат Сун недоволен мной»

«Какую лапшу сварить завтра?»

Ужас Шести Мудрецов с Зелёного Утёса тоже был искренним. Они смотрели, как Сун Цяньци поддержал Хэ Цинцин, не обращая никакого внимания на её лицо, и даже спокойно сделал три

шага.

Сун Цяньцзи наступал, а они отступали, покрываясь холодным потом, их лица были бледны.

«Он что, и вправду не различает красоту и уродство? Да он же не отличает человека от призрака!»

Тот юноша по фамилии Мэн тоже был ненормальным. Двор Суна был поистине ужасным местом.

<http://bllate.org/book/16982/1585086>